

ДЕНЬ ВАРЕНЬЯ
АЛЕКСАНДР ШИШОВ

Александр Георгиевич Шишов

День варенья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69487873

SelfPub; 2023

Аннотация

В книге «День варенья» продолжают приключения одесситов-студентов из 1976 года. В предыдущей книге «Покер пятого курса» они бесславно сыграли в карты и проиграли все деньги. Наступила черная голодная полоса. Благодаря обаянию и остроумию они нашли решение проблемы – заявили на день рождения к незнакомой студентке. Именинницу и девичье население обворожили, а мужское затаило обиду. Мордобой был неизбежен, страсти кипели нешуточные, перед глазами промелькнула вся «боевая жизнь». И тут очень кстати и очень веско прозвучало одно волшебное слово.

Содержание

1. Хочется есть то, что есть	5
2. Манная каша	9
3. Томный вечер	28
3.1. Удачное начало	28
3.2. Анекдот по Марксу	41
3.3. Мальчик Яша	44
3.4. Дежурный анекдот	52
3.5. Заманчивое продолжение	55
3.6. Угроза жизни	64
3.7. Бойцы	68
4. Волшебное слово № 2	88

Александр Шишов

День варенья

– У кого-то сегодня обязательно должен быть день варенья.

– День варенья, – повторил я и задумался.

«День варенья» – отличное название для следующего репортажа из харьковского общежития.

Александр Шишов, «Покер пятого курса»

1. Хочется есть то, что есть

Очень хочется есть. Особенно вечером – идти некуда, спать не хочется, не читается. Лежишь одетым поверх одежды, смотришь вверх, нет, не в потолок, а выше, в открытый космос, – потолка не замечаешь. Мыслей нет. Обхватил живот крест-накрест руками, прижал желудок к позвоночнику и создаёшь иллюзию его наполненности.

Какая-то гнусная складывается закономерность – как только в кармане пусто, кушать хочется особенно остро. Непривычное чувство голода напоминает предательство лучшего друга.

Голод рождает в голове спазмирующие желудок вредные мысли. Они парализуют тело, приводят его в состояние про-страции и, с претензией на философические размышления, донимают навязчивыми измышлениями. Хорошо, если бы о приземлённых методах выживания в чужеродной среде, – можно было бы и прислушаться. А так... о ерунде – о смысле жизни. Можно подумать, больше не о чём думать. Начинается... «Думать» – «подумать» ... Рифма или тавтология?.. Бред собачий.

Как оказалось, отсутствие или наличие денег напрямую связано с чувством голода. Ты сыт – и не замечаешь такого звонкого мелодичного созвучия: «деньги есть – не хочется есть». Динь-дон-динь, динь-дон-динь...

А вот как звучит другой перезвон большого колокола низменных потребностей: «нет денег – нечего есть». Бум-дум, дум-бум... Слышите? На две октавы ниже.

Этот «бум-дум» заменил разум. Вместо здравого смысла в голове звучит фатальный набат безысходности.

Как хорошо, когда деньги есть – поел и сыт. Красота! И с новыми силами к новым свершениям.

А вот другая ситуация – наша. Деньги проиграли. В карты, будь они неладны, вместе с жуликами, которые нас развели, а остатки, ту самую мелкую мелочь, что по карманам насобирали, уже проели – и всё, аут. Вступают в активное движение неведомые ранее законы природоведения. Ты ещё жуёшь последний кусочек пищи, сытость ещё только-только разливается по телу успокаивающим теплом, а мозг уже активно включился в неравную борьбу за существование. И с последним ещё непроглоченным куском заявляет о своей основной биологической потребности – жрать, жрать давай. Не жизнь, а пытка. Вечный зов какой-то. Не путать с вечным позывом – реверсом актуального в нашей ситуации аверса.

«Вот оно – расплата за проигрыш», – надоевшей мыслью думал я.

Мыслей всего было две. О проигрыше в карты – первая, а вторая была, конечно же, о еде. И думалась она сразу после первой.

Иногда между ними всплывал зрительный образ безликих жадных рук, собирающих со стола наши денежки и убираю-

щих их в появившийся из ниоткуда карман. Спрятав деньги, рука похлопывает по карману, и из него медленно выплывает колода карт и взмывает вверх. Шлепнувшись на стол, она хрупко, как елочная игрушка, разбивается и разлетается мелкими острыми кусочками в разные стороны. Тут я инстинктивно зажмуриваюсь, оберегая глаза от шальных осколков, и начинает думаться вторая мысль – о еде.

Дома еда была всегда, вне зависимости от нашего хотения или нехотения, и, как правило, уже тепленькая в тарелке. Если не тёпленькая, тогда она бралась из холодильника. Еда делилась на любимую и нелюбимую. Детство окончилось тогда, когда перестали кормить нелюбимой едой. Сейчас готов вспомнить детство и съесть всё, от чего отказывался прежде.

По-новому, как музыка, зазвучало в ушах грозное мамино ностальгическое предупреждение:

– Пока всё не съешь – во двор не пойдёшь.

Психологи уверяют, если «не думать о белом медведе», то обязательно в голову залезет его образ. И чем напряженнее стараешься не думать о белом медведе, тем всё больше и больше расползаются по извилинам мозга эти божьи твари – бегущие, плавающие, лежащие, сидящие, катающиеся на льдине, ловящие рыбу, кушающие мёд... Нет, с мёдом уже перебор. Это если не думать о буром медведе или о мёде.

Чтобы очиститься от наваждения, представляю белый лист снежной пустыни, на котором нельзя увидеть белых медведей ни в стае, ни по отдельности. Это чисто теорети-

ческая условность, позволяющая на фоне идеально белого снега мимикрировать идеально белому медведю.

Но в моей голодной ситуации совсем не увидеть на белом снегу белого медведя, естественно, не получится. Потому что это не самоцель, а уловка, отвлекающий манёвр мозга. Не думать о белом медведе – это средство, чтобы не думать о еде.

Рано или поздно медведь обязательно появится – сначала следы, затем расплывчатые тени, силуэт, узкая голова, мощные лапы, горб, огромная, непропорциональная задняя часть, короткий, от природы купированный хвост, острые когти, в когтях сырая несъедобная рыба. Вот он встанет на задние лапы, открывая грязный и мокрый отвисший живот, потягивается и, опустившись на все четыре, по-собачьи, асинхронно вращая головой и туловищем, отряхивает воду. Мелкие брызги срываются с желтой свалывшейся шерсти и мокрым облаком прорываются сквозь прутья ограждения. Сделав несколько шажков, медведь плюхается в бассейн, огромной волной окатив визжащих от восторга детей, плотно обступивших вольер зоопарка.

Дети бросают ему конфеты, печенье, мороженое, зефир в шоколаде, пирожки с мясом, котлеты, отбивные... Стоп. Стоп. Не то. Не то... Не думать о белом медведе... Не думать о белом медведе.

2. Манная каша

Примечательно, но белая пустыня у меня никак не ассоциируется с манной кашей. Это потому, что я её так сильно не люблю. Не люблю, сколько себя помню, с детского садика, с самого первого, с того самого, в который ходил до шестидесятого года, в смысле, до тысяча девятьсот шестидесятого года. Мы тогда жили в Кривом Роге, по месту службы папы в авиационном полку.

За окном еще темень, а мама меня уже будит. Я нежусь «ещё чуть-чуть» под тёплым одеялом и, лёжа с открытыми глазами, рассматриваю плюшевый ковер с тиграми у противоположной стены над кроватью старшей сестры. Тигры мощно замерли в полуобороте напряженной позы и, скаля зубы, повернули головы в сторону приближающихся в белых чалмах охотников. Двое из них идут по высокой траве со старинными длинными ружьями, остальные едут на спине слона. Не по-доброму глядя на них, готовые в любой момент сорваться с места и драться не на жизнь, а на смерть, тигры вызывали у меня не по-детски пугающее уважение. Сильные когтистые лапы, рельефные мышцы, выпирающие из-под полосатой шерсти, слегка изогнутый настороженный хвост.

Город Кривой Рог, 1957 год. *А.Шишов*

Что будет дальше? Или тигры бросятся на слона, или начнут бой с идущими по траве охотниками. Будет лучше, если они попросту сбегут. Шансы у охотников невелики, я видел в кино такие старинные ружья, их нужно заряжать перед каждым выстрелом через дуло. Если выстрелят и промажут, тогда тигры, а они, похоже, умные и злые, бросятся на них в атаку. Мне охотников жаль, они такие маленькие по сравнению с огромными тиграми, невзрачные. Я лежу и представляю, как тигры срывается с места и в несколько длин-

ных прыжков, не обращая внимания на стрельбу, подскакивают к слону и прыгают ему на бок. Слон крутится на месте, пытаясь сбросить тигров и подцепить его острыми бивнями, а сверху, с раскачивающейся площадки, горохом на землю сыплются незадачливые любители охоты. Слон трубит, тигры рычат, они бьются внутри красивой тканой рамки, обрамляющей края ковра. Когда моя фантазия улетает дальше и под напором дерущихся тел рамка сначала прогибается, трескается, а затем, поддавшись нечеловеческой силе, лопается, живой клубок из полосатых тигров и серого слона вываливается на деревянный пол нашей маленькой спальни. Хорошо, что охотники остались живы, содрогнувшись, успокаиваю я сам себя и переворачиваюсь на другой бок, мысленно возвращаясь к своим любимым белым медвежатам.

Белые медвежата вместе со своей мамой живут в маленьком тонком тканом коврикe с тёмно-серой кисеей по бокам, висящем над моей кроватью. На него, изученного мною во всех мельчайших подробностях, можно и не смотреть. Я его вижу и так, с закрытыми глазами.

Большая белая медведица и её маленькие медвежата на северном полюсе. Вокруг лёд, снег, ледяные горки, солнечный день, детеныши маму не слушают, а она их зовет и нервничает. Если бы она не нервничала, у неё не был бы так страшно открыт рот. Она их зовёт, а они разбегаются. Она рычит, задрав острый нос и ослабив здоровенные зубы. Один малыш, скатывается с ледяной горки наклонившейся

льдины, другой смотрит на него и думает, как пробраться мимо мамы и тоже прокатиться вместе с братом, а третий бежит совсем в другую сторону к поблескивающей на солнце полынье. Ему жарко и хочется искупаться.

«Ещё чуть-чуть» рано или поздно заканчивается. Впереди умывание с тугой струей холодной воды, звонко бьющей о дно эмалированной плоской раковины, и обжигающие, ледяные, разлетающиеся в разные стороны, капли. Над раковиной зеркало и полочка, в зеркале видна только коротко остриженная белесая макушка, а если, вцепившись в раковину двумя руками, встать на цыпочки и задрать голову, то промелькнет соломенная чёлка. Сорок восемь прореженных волосинок, которые оставляли парикмахеры на голове, делаая дошкольную причёску, назвать чубчиком язык не поворачивается:

– Чёлочку будем делать или сразу под ноль? – одно и то же спрашивал парикмахер и смеялся.

На полочке круглая картонная коробка с зубным порошком. Если в него обмакнуть сухую зубную щётку, то порошок не прилипнет. А если мокрую, то порошок прилипнет огромным комом, и пока донесешь до рта, то обязательно отвалится кусочек и рассыплется на пол. Нужное количество порошка прилипало, если быстро провести щетину щётки сквозь струю воды и тут же легонечко-легонечко обмакнуть в коробочку.

Одевание зимой в детский сад – это мука. Все начиналось

с лифчика поверх маечки – розовой жилетки на трех белых бельевых пуговицах с пришитыми впереди двумя резинками, к которым пристегивались толстые коричневые в рубчик чулки. Резинки и чулочки нисколечко меня не смущали. Не только мальчики, но и взрослые, папа например, носили под коленами резинки, к которым пристегивались носки. Байковая рубашка туго застегивается под горлом, натягиваются короткие штанишки с пуговицей на боку и двумя длинными шлейками.

Когда я был совсем маленьким, и эти штанишки мне доходили до колен, то шлейки надевали крест-накрест и спереди, и сзади. Когда я немного подрос, то сзади они были крест-накрест, а спереди застегивались ровно. Когда я стал совсем большим, то и сзади и спереди шлейки проходили ровно, как ремни у белых офицеров, только штанишки стали сильно врезаться и из-под них, по девчачьи, вылезали резинки чулок. Поверх штанишек надевались толстые байковые штаны-шаровары и такая же байковая кофта с воротничком. В комплекте они напоминали детский лыжный костюм. Шаровары своими нижними резинками натягивались на норювившие свалиться с ног, купленные на вырост валеночки в чёрных блестящих калошиках.

Хуже всего шуба. Перешедшая по наследству от старшей сестры, которой она досталась тоже от какого-то ребенка, наверное, от двоюродной сестры Наташи из Москвы. Заячья, но, почему-то, тёмно-бурого цвета, с вытертыми, блестящи-

ми обшлагами рукавов и такой же кромкой вдоль постоянно отрывающихся «с мясом» пуговиц. Если несильно потянуть за шерсть, то в руке оставался клочок, и проявлялась черная глянцева́я проплешина. Шубка тесная, а подпоясанная ремнем, ещё больше стесняла движения и не давала возможности поднять руки выше пояса. А это было очень важно. Когда ты изображаешь самолёт, то руки нужно широко развести в стороны и медленно, жужжа под нос мощными моторами, пробежать к намеченной цели, пвно сделать широкий вираж и сбросить бомбы. Бах! Бах! А в шубе, когда руки высоко не задираются, можно только отвести их назад, развести немного в стороны, и, наклонившись вперед, суматошно, по зигзагу, обегая всю игровую площадку, изображать истребитель, реактивный с тупым круглым носом, как в журнале «Огонек». А если за тобой сзади справа и слева летят такие же сопливые истребители, то это уже звено, и лететь нужно по заданию, например, прикрывать бомбардировщики или атаковать чужие самолеты.

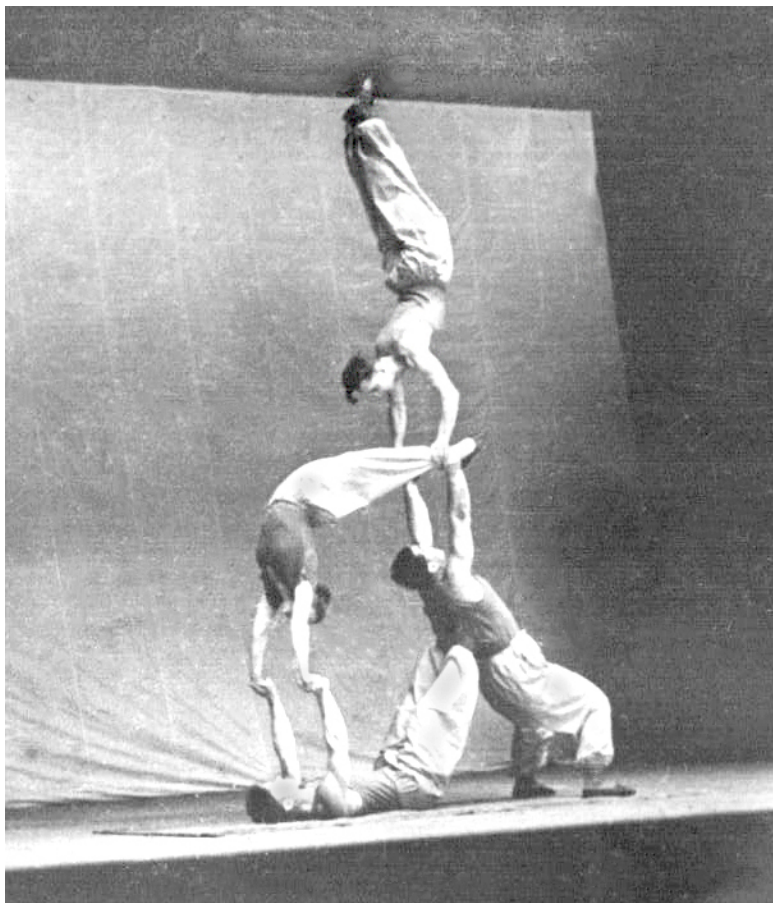

Дети офицеров. 1 мая 1958 год.

*Н.Зубов (Дядя Коля), Г.Шишов (Папа), дети: О.Зубов,
А.Шишов*

В нашем подъезде на ЮГОКе жили семьи военных летчиков. На шумных застольях боевых офицеров дети, пока их не отсылали спать, как губки впитывали очень много интересных слов и выражений из лётчицкого лексикона, которые буквально на следующий день переключивали в детские игры. Не исключено, что мы играли в военные тайны тоже... Но кто ж знал?

О делах военных лётчиков папы говорили в самом начале, как только садились за стол, что-то серьёзно обсуждали, чокались. Потом рассказывали смешные истории.

Стойка на руках. 1950 год. На вершине пирамиды *Г.Шушов (Папа)*

Однажды мой папа сидел, слушал, потом раздвинул возле себя тарелки, на чистое место стола сначала поставил правую ладонь, затем левую с маленькими синими буквами Ш.Г. на тыльной стороне и выжал стойку на руках. Он стоял в стойке на слегка согнутых руках, то выпрямляя их, то сгибая, уверенно балансируя и удерживая равновесие. Тело красиво, как у гимнаста, выгнулось дугой – от закинутой головы с упавшим вьющимся чубом и напряжённой шеи до вытянутых носочков ног.

Все замолчали, я видел, что мама испугалась. В наступившей тишине папа медленно опустился, аккуратно сел на стул, взял тёмно-бордового стекла стопку с водкой, широко раскрыл рот, охватывая губами ободок, и резко закинул голову. Проглотил, слегка сморщился, вытянув вперед сжатые губы, выдохнул, и как ни в чем не бывало, сказал:

– Не пошла... Обратно.

Гости стали смеяться и аплодировать.

– А если бы ты упал на стол? – укоризненно спросила мама.

Под конец застолья они обычно пели. Папа проникновенным негромким голосом свой любимый «Клен ты мой опавший...», а после задорно и весело с лирическим запевом про «Гусаров-трубачей» под аккомпанемент дяди Коли вилками по тарелкам и дяди Марка, громко щёлкающего пальцами по зубам.

У дяди Марка был зелёный мотоцикл и саксофон. На мо-

тоцикле он нас катал по двору, усадив перед собой на бачок, крепко придерживая сильными руками боксера. Однажды я услышал, что дядя Марк играет в джаз-банде. Оба слова были плохими, и я с подозрением, исподтишка посматривал на него, когда он по-соседски заходил к нам домой. А вот саксофон он в гости никогда не брал. Дядя Марк считал, что с их авиаторских застолий жена его, тётя Тамара, домой и сама дойти сможет, а саксофон нет – друга бросать нельзя. Пел он в компаниях мало, но здорово играл на зубах. Чтобы было громче, он натягивал на палец пробку от шампанского. Мелодии были известные и всегда легко узнавались. Виртуозно у него получался «Танец маленьких лебедей» – он играл всеми пятью пальцами, а иногда и двумя руками. «Танец маленьких лебедей» я всегда узнавал и любил. У моей тётки Веры в Москве была музыкальная шкатулка-пудреница, и если открыть крышку, то волшебным перезвоном звучала именно эта мелодия. Сбоку на круглом корпусе нанесены картинки из балета с балеринами в белых пачках. Я слушал музыку и рассматривал балерин. Конечно, я всех достал, и от меня эту надоевшую всем шкатулку прятали, но я упорно её находил, заводил, как заводят будильник, и слушал, слушал...

– Ну, ты и жук колорадский, – смеясь, говорила тётя Вера, когда в очередной раз заставляла меня, подперевшего кулачками подбородок и слушающего музыкальную шкатулку, которую, как ей казалось, она надёжно спрятала.

Еще был дядя Сеня, он жил в соседнем подъезде. Одна-

жды в трамвае ехали с аэродрома трое – папа, дядя Марк и дядя Сеня, конечно же, в форме. Напротив них сидел старый еврей. Он долго оценивающе рассматривал своих соплеменников, переводя взгляд с дяди Марка на дядю Сеню, потом протянул длинный узловатый указательный палец в сторону дяди Сени и сказал:

– Вот это – ошибка авиаций.

С тех пор дядя Сеня, когда представлялся, всегда говорил:

– Старший лейтенант Семён – ошибка авиаций, – и громко, заразительно, по-лошадиному ржал. Это он так смеялся.

А ещё здорово играть в Чапаева. Но это если есть пальто. Тогда его можно снять, засунуть рукава внутрь, набросить пальто на плечи и застегнуть только вокруг шеи на верхнюю пуговицу – получается бурка. Шапку заломить на ухо, найти прутик и, размахивая им, как саблей, вприпрыжку пробежаться с криком «Врешь, не возьмешь!». Но это пока не попадешься на глаза воспитательнице, увидев ребенка зимой в расстегнутом пальто, она ведет себя хуже белого царского офицера. Тут же берет в плен и накладывает долгий, мучительный арест в виде сидения рядом с ней всю прогулку на скамейке, выслушивая неинтересные женские взрослые разговоры.

Детский сад, как и театр, начинался с вешалки. Деревянные голубенькие шкафчики с опознавательными картинками на дверцах, внутри на задней стенке вбиты деревянные вешалки-грибки для одежды, сверху полочка для шапок,

внизу отделение для обуви. Вдоль шкафчиков раскачивающаяся в разные стороны неустойчивая длинная, очень низкая скамейка, тоже деревянная и тоже голубенькая. Процесс раздевания еще мучительней, чем одевания, помочь некому. Если кого-то приводили родители, то дети, блаженно улыбаясь, быстренько раздевались и бежали в группу. А такие как я, кого заводила старшая сестра по дороге в школу или приходили сами, так как садик был внутри нашего огромного двора, так те мучились, снимая с себя ненавистную зимнюю одежду.

Прийти первым в группу – это ещё не значит начать играть раньше других. Сначала идёшь к ручкомойнику и с чистыми или слегка намоченными руками садишься вдоль стенки на такую же, как в раздевалке, длинную неустойчивую скамейку. Надо сидеть ровно, руки держать на коленях перед собой, как если бы нас фотографировали, и ждать, когда позовут завтракать. В лучшем случае воспитательница читает что-то не раз ею уже читанное и перечитанное. Сидишь, слушаешь, смотришь с тоской на полки напротив. Там выставлены большие разноцветные потёртые, с облупившейся краской деревянные кубики, есть даже разборная Кремлёвская башня с часами. Большая, тоже деревянная, грузовая машина стоит внизу рядом с длинной легковой. У легковушки в широкий багажник встроено запасное колесо. Мы его уже который день безуспешно стараемся выковырять, но оно никак не выходит.

На стенах портреты. Слева дедушка Ленин смотрит, прищурившись, очень добрый. Справа Сталин, он сын Ленина. У Ленина усы и борода, и он давно умер, а у Сталина только усы, и умер он недавно. Оба они лежат в Москве в Мавзолее, я их там видел и хорошо рассмотрел. Они такие же, как на портретах, только глаза закрыты, а Сталин, как на картине, в белом кителе с золотыми погонами, он же военный – генералиссимус. Сталин убил Гитлера и выиграл войну. А Ленин не был военным – он вождь.

На стене напротив, между окнами, чёрно-белый портрет Хрущёва. Ленин и Сталин – красивые, а Хрущёв мне не нравится. Без усов, без бороды, фамилия не героическая, хрустящая, «щипящая», не представительная – хрущик какой-то. Перед кино всегда показывают кинохронику, и Хрущёва показывают, как он среди кукурузы, пузатый, в шляпе противно улыбается и размахивает початком.

Я знаю точно, что это початок – из «Мурзилки». Мне читали стихи про царицу полей, и я запомнил. Бабушка смешно называет початок «пшонкой», она выросла в селе и иногда говорит по-украински, ещё бабушка говорила, что Хрущёв запустил первый в мире спутник и что мой дедушка с ним воевал вместе в каком-то одном штабе. Мой дедушка погиб, он был герой, значит, и Хрущёв герой, хоть он и лысый.

Пока мы сидим, большие нянечки в больших белых клеенчатых передниках из больших белых кастрюль с большими буквами на боку, взяв в большие красные руки большие

разливные ложки-половники, заполняют маленькие, почти игрушечные, тарелки, расставленные на низеньких квадратных столиках на четверых. Накладывают что-то белое. По запаху и по тому, как липким комком оно падает в тарелку, это манная каша, с содроганием догадываюсь я и, понимая всю безысходность, чувствую, что очень хочется в туалет.

– После завтрака, – отрезает, оторвавшись от чтения воспитательница.

– Только из дома и в туалет, – добавляет она и продолжает читать вслух дальше.

Наверное, она забыла, как в прошлом году не пустила меня в туалет перед прогулкой, а потом меня мальчишки дразнили и даже из другой группы, но напоминать не стал, стыдно.

Эх, если бы дали на завтрак винегрет с котлетой. Когда накладывают винегрет, его красный цвет не перепутаешь ни с какой белой молочной кашей. И тогда в группе пахнет котлетами, не такими как дома, маленькими толстенькими мясными, а настоящими – плоскими с толстой хлебной коркой. Вот что я очень люблю. Когда дают винегрет, я представляю, что это наши, красные, разбили белых, и больше никогда не будет ни манных, ни прочих молочных белогвардейских каш.

Но сегодня, как чаще всего и бывает, на завтрак манная каша, и уже застучали в ушах барабаны, поднявшие белую молочную армию в психическую атаку.

Затем нянечки неторопливо разносят хлеб, бросают по

кусочку масла в остывающую кашу, расставляют стаканы и наливают в них из большого чайника невкусный, но сладкий чай.

Сейчас позовут на завтрак, приговаривая «быстро, быстро». Краем глаза, контролируя соседей по столу, сидящих со мной на одной скамейке, ждёшь команды, чтобы пулей сорваться с места и первым прибежать к своему столику, переставить тарелки и стаканы, чтобы каши было поменьше, а чая побольше. Сели, и тут начинаются основные мучения.

Долго смотреть на кашу не дают:

– Взяли ложку в правую руку. Показали все, где у нас правая рука. Так, все подняли правую руку. Теперь взяли ложку, начали есть. Кто не съест – из-за стола не выйдет.

Уже с большой алюминиевой ложкой в руке продолжаю рассматривать кашу – прицеливаясь, откуда начать. Сначала нужно утопить в кашу кусочек масла, лежащий на поверхности каши и размешать. Надавил на масло, но оно выскальзывает и не хочет проваливаться. Легонечко нажал носиком ложки в центр тарелки. Упругая корка остывшей каши прогнулась и отпружинила ложку. Попробовал еще раз, сильнее, с тем же результатом.

Поддев толстую пленку с краю, и протащив с ужасным скрежетом ложку вдоль синего ободка тарелки, удалось её подрезать, приподнять и завернуть. Как в открытой до половины консервной банке, появилась бело-серая муть манной каши, куда нужно бросить кусочек масла и утопить в подго-

товленной с таким большим трудом проруби. Сказать, что с маслом вкуснее – это неправда. С маслом – не так невкусно.

Тщательно размешав жидкую манку с маслом и зажав в левой руке кусок серого хлеба, с перекошенной от отвращения физиономией приступаю к поеданию первой ложки каши. Боясь вздохнуть, чтобы не чувствовать ненавистный запах, подцепив на кончик ложки самую малость, снимаю одними зубами с ложки эту мерзкую склизкую массу и не разжёвывая проглатываю, быстро запивая чаем и заедая большим куском хлеба.

Вторая ложка проходит уже легче, но язык явственно нащупывает противные комочки, которые тут же выплевываю на край тарелки. Воспитательница учит, что комочки из манной каши нужно аккуратно выплюнуть в ложку, а с ложки выложить на край тарелки. Это долго, а противные комочки во рту сами не держатся, а сразу выплевываются и не только на тарелку.

Вкус манной каши в первом детском садике никогда ничего не напоминал, кроме вкуса самой манной каши. Более тошнотворной, в смысле вызывающей тошноту еды, я никогда ничего не ел, а многочисленные комочки, без которых не обходилась ни одна порция, делали тебя невольным сапером, который аккуратно перебирает во рту кашеобразную взрывоопасную массу, чтоб выудить подлые сгустки и с отвращением их выплюнуть.

Доведя содержимое тарелки до состояния видимой опу-

стошенности, когда остывшая корка пониже опустилась на дно, а на краю собралось как можно больше комочков, под шум встающих из-за стола детей, делая вид, что очень сыт и очень доволен, как можно быстрее убираюсь подальше от стола.

Если тебя не выловили и не усадили обратно за стол, значит, день удался, и манной каши сегодня больше не будет, а будут на обед суп или любимый мной рассольник, макароны с тефтелями и подливкой или пюре с котлетами, на третье компот из сухофруктов. А на полдник кисель вишневый с печеньем или вафель, или ещё...

Стоп. Стоп. Не думать о белом медведе. Думать только о манной каше – вот в тарелке ненавистная манная каша, манная каша, манная каша. Есть её абсолютно не хочется, она бесповоротно отбивает аппетит. Совсем не хочется кушать – есть только манная каша, белой биомассой заполнившая огромную глубокую тарелку. Белая холодная противная корка покрывает всю плоскость, и только выпирающие мерзкие комочки образуют небольшие плавные выступы.

Что это? Вдруг белая поверхность каши вздрагивает и по ней пробегает рябь, и это уже не манная каша, а нежная белоснежная оседающая вуаль густой сметаны, из-под которой проявляются обжаренные на сковородке блинчики с творогом.

Сметана растекается по горячему золотистому боку туго скрученных и плотно упакованных рулончиков, источающих

тонкий запах ванили и виноградный аромат разомлевшего изюма, плавится и обнажает во всей своей красе безупречный шедевр кулинарного искусства.

Такие они нежные и такие беззащитные. Смотришь на них и не знаешь с кого начать. И тут приходит философское прозрение – всегда виноват крайний. Бедный, вкусный крайний... Вилочкой легонечко уколол и прижал, ножичком аккуратненько отрезал, и в сметанке, растекшейся по дну тарелки, вымакал и...

«Вот она расплата за проигрыш», – как всегда некстати приходит надоевшая первая мысль, которую тут же сменяет мысль № 2 о еде, на этот раз в виде среднеарифметического образа между белым медведем и манной кашей – их белёсая сумма, поделенная пополам.

Жуткое зрелище.

3. Томный вечер

3.1. Удачное начало

Вдруг, как лучик надежды, проявилась из голодного подсознания постоянно ускользающая мысль. Третья:

«Шура что-то говорил про варенье... Какое варенье? А! Он имел в виду день варенья – чей-то день рождения».

Тут же меня постигло горькое разочарование. Я вспомнил, Шура не знает никаких дат дней рождения ни у кого. Значит, это не про нас. Значит, никого из нас родители не поздравят с днём рождения в ближайшие полчаса срочным денежным переводом.

Фраза «не знает никаких дат дней рождения ни у кого» не случайна. Ранним летним утром 1976 года кубрик большого противолодочного корабля «Сметливый», где мы спали и одновременно проходили военные сборы, был оглушен страшным рыком. Нас сперва безуспешно будил надсадным хрипом встроенный в переборку динамик, шестичасовым гимном Советского Союза, затем кашляя и проглатывая согласные, бравыми новостями, докладывая про успехи и достижения, про выполнения и перевыполнения.

Видимо, Шура уже проснулся, так как, кроме него, никто не услышал или не обратил внимания на сообщение о

том, что «Сегодня, 15 июля – ровно год совместно советско-американскому полёту космических кораблей «Союз» и «Аполлон». И тут, после полуминутной паузы, Шура завыл, страшно, по-звериному. Сел на свою нижнюю койку, опустив босые ноги на металлическую палубу и зарычал, бешено раздувая ноздри, мотая головой и поводя в разные стороны покрасневшими от напряжения глазами.

Наконец, немного успокоившись, он выдал из себя:

– Вчера у меня был день рождения...

Так что на Шуру в делах дней рождений надежды нет – он и свой-то не помнит. Но всё равно, он же что-то имел в виду, глубокомысленно вздыхая о дне варенья.

– Шура, так всё-таки, у кого сегодня день рождения? – не выдержал я.

Оторвавшись от журнала «Наука и жизнь» и продолжая возлежать на кровати в позе свободного жителя Рима, Шура пояснил, что «день варенья» – это понятие статистическое. Каждый день примерно у одной триста шестьдесят пятой, а в високосный год, у одной триста шестьдесят шестой части населения земного шара случается день рождения. И чем больше скопление людей в одном месте, тем больше вероятность того, что у кого-то сегодня обязательно день рождения. Нас двенадцать человек – группка небольшая и дней рождений нет, а вот в объемах общежития – обязательно у кого-то он должен быть. И мы должны непременно поздравить пока нам неизвестного, но в ближайшее время самого дорогого чело-

века – главное прийти вовремя, пока все не съели.

– Так ты предлагаешь сесть на «хвост» к какому-нибудь имениннику здесь, в этой общаге? – рассмеялся я.

– Именно, но имениннице. Женщины – пол слабый, податливый, – довольный моей сообразительностью воодушевился Шура и с ногами сел на кровать, – и чем скорее, тем лучше.

– Кстати, – сказал внимательно слушавший нашу беседу Мурчик, – я шёл к нам в комнату и видел, что несли цветы. Они пошли вверх по лестнице.

– Наверное, экзамен сдают в общежитии, мы так экономику промышленности сдавали, – отрезвляюще напомнил Профессор.

– Не-а, – возразил Мурчик, – во-первых, уже для экзамена поздно, а, во-вторых, кроме цветов, у них в руках были ещё и бутылки.

– Всё, надо брать, а то мы тут с голода посдыхаем, – Шура уже втискивал ноги в сапоги.

– Без подарка как-то неудобно, – пытался остановить Шурину прыть Манюня.

– Разберемся, пошли, – заторопил нас Шура.

– Я воздержусь, – сказал Профессор, – мне ещё дневник заполнить надо.

В харьковском общежитии. 1976 год. *А.Токаев (Шура), В. Миров (Мурчик), Ю.Любецкий (Профессор)*

Группой из четырех человек мы поднялись по лестнице, стараясь угадать правильное направление к застолью. Войдя на третий этаж и завернув за угол Г-образного коридора, поняли – цель близка, вот только уверенность наша чуточку по дороге порастерялась.

Посреди коридора была настежь открыта дверь, яркий свет из комнаты широкой золотистой полосой делил коридор на две части. В дальнем тёмном тупике угадывались нечеткие силуэты с огоньками сигарет, плавными дугами плаваю-

щими вверх-вниз в затемнённом пространстве. Из комнаты доносились громкая музыка, смех и звон бокалов (стаканов, чашек, кружек).

– Это здесь, – просипел Шура, его энтузиазм таял на глазах.

Стоять дураками было глупо, нужно было действовать. Или туда, или обратно.

Из темноты, отделившись от курящих фигур, шагнул студентик и быстрым шагом, почти бегом, минуя весёлую комнату, пошёл в нашем направлении.

– Кого чествуем? – прямо ему в макушку неожиданно спросил Манюня.

– Томку из третьей группы, – скороговоркой испуганно ответил студент и закрутил головой, ища источник звука.

– Молодец, – успокаивающе сказал Шура и похлопал его по плечу, – можешь идти.

Сгрудившись, подталкивая друг друга локтями и преступая с ноги на ногу, мы смотрели на дверь в ярко освещенную комнату, не решаясь двигаться дальше.

Временное замешательство сменилось целенаправленными взглядами, пристальность и голодный блеск которых недвусмысленно напомнил мне о моей роли в карточной игре и высокой ответственности за бедственное положение ближних.

Я не спорил. Ощущая молчаливую поддержку дружески удерживающих меня (чтобы не убежал) рук, как перед прыж-

ком в холодную воду, я резко выдохнул, сделал небольшую паузу, затем глубокий вдох и быстрым решительным шагом вошёл в комнату.

В комнате было не так светло, как казалось из контрастного полутемного коридора, а её небольшие размеры позволили одним мимолетным взглядом всё рассмотреть. День рождения был в самом разгаре, две пары уже танцевали, но бутербродов на столе, отодвинутом к окну, было ещё много. Бутылок тоже немало, в основном сладкие крепленые вина, начатых было меньше, чем закупоренных, так что всё еще впереди. Девочек было предостаточно, и это радовало, из мужского населения я заметил только двоих, занятых в медленном танце.

Виновница торжества, а это по всем признакам она, – прическа, вечерний макияж, платье с большим бантом на груди, радостный блеск глаз, приветливая улыбка – стояла напротив двери и, оттопырив мизинчик, игриво держала в ответственной руке фужер с вином. Видимо, кто-то должен был войти, кого она ожидала, но увидев незнакомые лица, девушка невольно опешила. Улыбка растерянно замерла, глаза близоруко сощурились, вот-вот и улечитя игривая непосредственность.

Инициативу нельзя было терять ни на мгновение. Пока она ещё улыбалась, нужно было действовать быстро, притупить бдительность и воспользоваться возникшей растерянностью от нашего внезапного появления.

– Тома из третьей группы – это, конечно же, Вы?! – полувопросительно-полуутвердительно с театральным пафосом произнес я.

Уловив инстинктивный утвердительный кивок головы и воодушевленный удачным попаданием прямо на именинницу, я продолжил в том же развязно-обворожительном стиле.

– Вам привет из Одессы! Мы – дипломники, волею судьбы занесенные в этот заснеженный город, узнав о том, какой радостный день Вы переживаете сегодня, не могли не воспользоваться случаем, чтобы не подарить Вам в этот харьковский холод и голод (это была оговорка по голодному Фрейду) немного южного тепла. Как бы сказала Франсуаза Саган, будь она на моём месте, «Немного солнца в холодной воде» и ещё, от её имени я бы добавил: «Здравствуй, грусть», «Любите ли вы Брамса?».

Говоря эту чушь, я не без удовлетворения заметил, что ей это нравится. Улыбка, не утратив своей приветливости, расползлась шире и шире, и уже блеснул ряд белых красивых зубов, отреагировав на названия повестей из популярного сборника известной француженки. Проверку на интеллект девушка прошла.

Если бы она проверку не прошла, то, рано или поздно, выслушала бы про новые книги французского писателя Рэмона Обувь, о модном постмодернистском писателе Но-Фелете, об итальянском композиторе из Сан-Ремо Тканини и о японском кинорежиссёре-авангардисте Гудзйки. Все эти имена

были глумливой шуткой над проблемами интеллектуального развития. Потому что Рэмонт Обуви – это «Ремонт обуви», Но-Фелет – «телефон» наоборот, итальянский композитор Тканини – всего лишь название магазина тканей на углу Ленина и Кала Либкнехта «ТКАНИНИ» в украинской транскрипции [тканьіны], прочитанное по-русски, а японский кинорежиссер, тоже с вывески магазина, но на Дерибасовской – «ГУДЗИКИ» в украинской транскрипции [гудзыкы], что означает пуговицы.

Можно, конечно, девушек просвещать и правдивыми знаниями литературы и живописи, но глупость не поощрялась и по молодости лет высмеивалась. Нет, не в лицо, конечно, а потом, красочными пересказами в своей компании.

Не всё ли равно, чем занимать – глубоким раскрытием своего богатого внутреннего мира или прикольной болтовней – отведенный приличием промежутки времени между знакомством и первым поцелуем как вершиной близости.

А вот как вести дальше себя с именинницей, я не представлял. Из КВНа я знал, что существует рубенсовский тип женщин – идеальный вес женщины сто двадцать килограмм.

Руководствуясь таким же художественно-весовым измерением, именинницу можно было отнести к кустодиевскому типу женщин, у которых, кроме выдающихся и выверенных полновесных форм тела, присутствовали красота златовласой «Русской Венеры» и пышущее, как известный самовар по картинам всевозможных «Купчих», здоровье.

Да, именинница красивая, высокая, большая, грациозная блондинка явно превосходила мою, на нижней границе полусреднего, весовую категорию. Моя антропометрия была смешна и неуместна рядом с такой великой красотой. Я с тоской обернулся на высоких Мурчика и Шуру, особенно на выглядывающего поверх их голов Манюню с его родными двумя метрами и одним сантиметром. Вот кто должны быть на передовой в сегодняшней битве гигантов, но жалкий жребий уже толкнул меня на скользкий путь втирания в доверие. Трибология, как наука, неумолима – начав притираться, процесс трения нужно доводить до конца.

Улыбку Тома, в силу моей полусредней весовой закомплексованности, я расценил не только как факт расположения, но и как обидную снисходительность с высоты её очарования на потуги залётного молодца. Но начатое нужно было продолжать, не теряя инициативы.

Удалось справиться с всё более заметным косоглазием, уводящим мой взор от раскрытых голубых глаз к столу со съестным. Сглотнул слюну, прочистил запершившее горло, бросил прощальный взгляд, как бы ища поддержку и благословение, на блестящие, подпернутые жирком полукопченой колбасы и капельками слезинок на глянцевой поверхности сыра, бутерброды, и, гонимый чувством голода, стыда и ответственности за желудки своих товарищей, продолжил:

– Сегодня, в этот радостный для тебя день, – торжественно проговорил я, перейдя на «ты», – от имени присутствующи-

щих и отсутствующих одесситов я хочу пожелать, чтобы каждый день жизни, особенно, такой как сегодняшней, удивлял и приносил сюрпризы и подарки. Чтобы радость каждого прожитого дня собиралась в огромный букет счастья и фейерверком салютовала в честь твоего дня рождения. И в этот особенный день я хочу подарить самое дорогое, что у меня есть – себя.

Речь сложилась удачно, начиная её, я и не представлял чем закончу. А юморной выход из щекотливого положения, когда приходят без подарка – старая, но надежная хохма. Торжественность поздравления требовала заключительного аккорда, как встречи на высшем уровне наших партийных лидеров.

Решение с оттенком спонтанности, как всегда, оказалось самым верным – придвинувшись к Томе вплотную и встав на цыпочки, чтобы, выгибаясь, избежать контакта с её монументальной грудью, в лучших традициях нашего дорогого Генерального секретаря, я её поцеловал, как Леонид Ильич Брежнев Эрика Хонеккера.

Поцелуй со вкусом сладкого вина и запахом свежести до неприличия затянулся. Дыхание перехватил неожиданно подкативший ком, сродни меткому удару под дых. Я растаял апрельским снеговиком и медленно, продолжая придерживать девушку за талию, нехотя опустился с цыпочек, произвольно вжимаясь в выдающиеся части её неповторимой красоты тела. Краткий анализ произошедшего контакта поз-

волил с глубоким удовлетворением ощутить – мой «Эрик Хонеккер» всё-таки женщина. И ещё какая женщина...

Выполнив свою нелегкую задачу по знакомству, вхождению в доверие, расположению к дружбе и подтверждению серьезных намерений на долгие годы, и это практически за двадцать пять секунд, я представил своих спутников.

Первым подошел Шура. Выпрямив спину и покачивая плечами, он был подчеркнуто соответствующим величественной стати именинницы. Красуясь, Шура галантно поцеловал ручку, шаркнул ножкой, и томно прикрыв глаза, представился:

– Александр.

Затем подошел Мурчик, сделал книксен, буркнув под нос что-то похожее на имя, и пританцовывающей походкой в такт всё еще звучащей музыке, быстро продвинулся поближе к столу с бутербродами.

Манюня вместо того, чтобы представиться и поздравить девушку с днём рождения, подойдя, обнял меня за плечи и доверительно сказал:

– Он очень хороший человек.

Тут наконец-то мы услышали голос новорожденной. Голос приятный, мелодичный, без ожидаемой глубины и бархатистости. С расположением как к старым добрым друзьям, нам было предложено выпить.

Разлили мгновенно. Понемногу в граненые стаканы. Так как тост практически мною был уже озвучен, то после груп-

пового чоканья и бурной поддержки междометиями радости, содержимое стаканов мгновенно выпили. И только потом с выдержкой, достойной уважения, неторопливо, с тщательно скрываемым самообладанием, как бы нехотя, потянулись за бутербродами.

Закусывать после выпитого никто не отменял, всё в рамках приличия. Бутерброды исчезли быстрее, чем выпитое вино. Делая вид, что ещё не закусили, опять потянулись к тарелке с едой. Манюня, розовея от стыда, чувствуя, что он не наедается, сложил бутерброды с сыром и колбасой друг на друга, и со словами:

– Так вкуснее, – заглотил их целиком и с радостной улыбкой (как это только удавалось ему совмещать), медленно пережёвывал.

– Надо попробовать, – подхватил Мурчик, стремительно сложил такую же конструкцию из бутербродов с докторской и московской колбасами.

– Интересно, – с видом гурманов подхватили мы с Шурой, сооружая нечто изысканное по схеме: хлеб, масло, докторская колбаса, сыр, московская колбаса, масло, хлеб.

Естественно, всё внимание девушек было приковано к нашим персонам. Уже давно никто не танцевал, и мы, стараясь не выдать наше желание съесть всё, что у них заготовлено, комментируя руками наши нечленораздельные сквозящие переполненные рты звуки, кивая в разные стороны и строя девочкам глазки, создавали видимость непринуж-

денной дружеской беседы.

3.2. Анекдот по Марксу

Конечно, привет из Одессы – это визитная карточка, после которой должно непременно последовать продолжение в виде искрометного юмора, неудержимого веселья и остроумных шуток. Но где это всё взять, если не дано?

Миф о веселых одесситах ещё бытует в среде иногородних обывателей, и его во имя своих желудков надо было поддерживать.

– Что-то смотрю мужчин у вас маловато, ушли, как мамонты, покурить и не вернулись? – попытался пошутить Мурчик.

Видя отсутствие какой-либо реакции, Шура решил полушутливо с ухмылочкой объяснить:

– Капля никотина, убившая современную лошадь, в древние времена убивала стаю некурящих мамонтов.

Опять только интерес в глазах и детское ожидание чуда.

Мне уже приходилось в Москве и Ленинграде попадать в ситуацию одессита, от которого ждут смешного. Ситуация неуютная и часто тупиковая. Пошутить, конечно, можно, комментируя какое-то действие или слова, или шутейно ответить на вопрос. А с чистого листа?

Имея в запасе заготовки, можно легко и непринужденно что-то рассказывать, пересыпая речь шутками и юморными приколами, выбивать смех, как пыль из ковра, с каждой шут-

кой всё сильнее и сильнее – это искусство и высочайший профессионализм по части человеческого общения.

Не обладая такими способностями, но попадая в подобные ситуации, я придумал для себя выход – незамысловатый одесский анекдот всегда удовлетворит первичный интерес к персоне из Южной Пальмиры. Далее уже по обстоятельствам – слово за словом, шутка за шуткой и опять миф о веселых одесситах ложной памятью будет откладываться в сознании непредвзятых жителей нашей огромной страны.

С анекдотами тоже была проблема. Прочитав в детстве в «Золотых россыпях» высказывание Карла Маркса «Анекдот – это ум тех, кто его не имеет» и твердо памятуя о том, что «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», я как настоящий пионер-ленинец решил анекдоты не запоминать никогда. Я был уверен, слушая анекдоты и их не рассказывая, что мой ум не засорен тлетворным мусором.

Уверенность улетучилась в ту долгую морозную питерскую ночью, когда в компании спекулянта Вадима и Гриши из Белой Церкви – соседа по коммунальной квартире, где нас поселили на время каникул, в течение четырех часов по очереди, не повторяясь, мы рассказывали анекдоты, попивая водку под незатейливую закуску. Ассоциативная память – сильная и коварная штука. Безостановочно рассказывая анекдоты, их, как связанные цветные платки из шляпы фокусника, вытаскиваешь один за другим из глубин памяти. Оказалось, что я знал массу всевозможных, на любой вкус

и любой случай, анекдотов – с учетом пауз, чоканья, выпивания и закусывания примерно минут на семьдесят беспрерывного рассказывания. Феноменальное открытие.

Тогда же, в Питере, я познакомился с профессиональным питерским спекулянтом Вадимом. У него была точка на Финском шоссе, где «турмалаи» за «юксы» и водку скидывали «классные шмотки». Я знал и одесских спекулянтов – этой породой людей меня не удивишь. Но!!! Меня поразила Вадима ондатровая шапка, изнутри подшитая красной широкой тесьмой. Вадим мне объяснил, что когда он шапку поносит, и она ему надоест, он отпорет тесьму и толканет шапку как новую.

Сосед Гриша – большой, шумный, всегда улыбающийся, доброжелательный и приветливый парень из Белой Церкви, где, как он утверждал, даже в троллейбусах говорят на идиш. В идиш я поверил, а в то, что в Белой Церкви есть троллейбусы, нет. Учился Гриша в «Тряпке», но не хотел жить в общежитии, вот родители и снимали ему комнату в коммуналке. Он был очень похож на мальчика из параллельного класса Яшу Бранда. Путаясь, я его периодически называл Яшей, с чем, в конце концов, он смирился и отзывался и на Яшу, и на Гришу.

3.3. Мальчик Яша

Кстати, о мальчике Яше. Мальчик Яша Бранд появился в нашей школе в девятом классе. Однажды, за неделю до первого сентября, мы играли в футбол на спортивной площадке слева от ворот во двор нашей 117-й школы. Площадка была пыльной, зато в уютной тени дома, в отличие от школьного двора с раскаленным и парящим асфальтом от нещадно жарящего со стороны костёла солнца.

Из неудобств, кроме пыли, был двухметровой забор из редких прутьев с пиками на концах, через который после неточного и, как правило, сильного удара мяч вылетал на улицу и, «звеня и подпрыгивая», скатывался по Жуковского к улице Ленина.

Если не успеешь его догнать, то он покатился до Пушкинской или ещё дальше до Гарибальди и, при особом невезении, мог свалиться в Канаву, а далее согласно рельефу местности. По Канаве – спуску Вакуленчука – набирая скорость, с легкостью мог долететь до одноименной с Вакулечуком площади и, пройдя через проходную морского торгового порта, обпрыгивая высоченные терриконы жёлтого кубинского сахара-песка и груды лежащего на причалах металла, оттолкнувшись от кнехтов, удавкой затянутых толстыми мохнатыми канатами, упасть в море и уплыть в Турцию, а там Босфор, Дарданеллы и так до Гибралтара с выходом в Атланти-

ческий океан. А кто его будет искать в том океане?

Мячи для игры в футбол покупали рядом со школой, в «Детском мире». Семьдесят копеек стоил большой, немного меньше футбольного, резиновый красно-зеленый детский мяч, это когда много желающих и, скинувшись остатками мелочи от школьных завтраков, денег набирали на его покупку. И сорок две копейки точно такой же резиновый красно-зеленый с желтой экваториальной линией, но в два раза меньше. Этот мяч при сильном ударе умудрялся сжиматься, протискиваться между прутьями забора и по той же схеме, что и большой мяч, но с меньшей скоростью, норовил свалить в эмиграцию.

Через двадцать минут игры как один, так и другой мячи становились пестро-черными, а облезшая, недавно радующая детский глаз краска, невнятными островками разукрашивала непривлекательную поверхность оголившейся вулканизированной резины. Если с нами был Заяц, живущий по диагонали от школы, то, как правило, он забирал мяч после игры домой, а если нет, то мяч уносил Мосик. Мосик жил на Дерибасовской угол Ленина и, засунув мяч в авоську, специально таскаемую в портфеле, он всю дорогу до дома шёл, подбивая мяч ногами так, чтобы на каждый шаг приходился удар. При этом он ещё разговаривал, проходил насквозь «Детский мир», читал журнал «Крокодил» на стенде под стеклом напротив «Дельфина», пил газировку, опять же насквозь проходил «Военторг» и, свернув на Дерибасов-

скую, поднимался на третий этаж и сильными ударами стучал мячом по двери коммунальной квартиры, чтобы её побыстрее открыли.

В тот день мы играли маленьким мячом, и игра была особенно напряженной, так как сошлись соперники с восьмилетним стажем принципиальности и неуступчивости – два параллельных класса «А» и «Б».

В азарте игры мы и не заметили, как подошёл высокий грузный молодой мужчина с бакенбардами, густой, вьющейся шевелюрой и трехдневной щетиной. Когда мяч вылетел в очередной раз в аут и покатился по школьному двору, мужчина спросил:

– Девятый «Б» здесь есть?

И получив утвердительный ответ, продолжил:

– Пока Нины нет, я с вами поиграю.

Яша Бранд. Окончание школы. 1972 год. *Я.Бранд (Яша)*

Нина – Нина Ивановна, классный руководитель девято-

го «Б» класса. Она была молодая, незамужняя, с маленькой дочкой. Из казачек, высокая, статная, красивая – учительница физики. Мужчина, ожидавший Нину, наверное, был её ухажером, решили мы, и его безапелляционное желание поиграть с нами в футбол, безусловно, расстроило баланс сил в принципиальном противостоянии, но и Нинину молодому человеку отказать было нельзя.

– Я буду играть за эту команду, – сказал он, и закатал до колен брюки, оголив крепкие, сильные и волосатые ноги.

Играли против него аккуратно, всё-таки Нинин хахаль, сильно не толкали, хотя он постоянно выставлял зад и блокировал соперника, по ногам не били, подножки не ставили, одним словом, балет, а не футбол. Игра потеряла свой азарт, «Б» класс старался отдать ему пас, который он настоятельно требовал, а «А» класс старался увернуться от мощи бегущего носорога.

Тут появилась Нина Ивановна, она захлопала в ладоши, призывая нас к вниманию. Игра прервалась.

– Ребята, – сказала она, – я хочу вам представить вашего нового соученика Яшу Бранда, он будет учиться в девятом «Б» классе.

Наше изумление было разряжено, когда Нина обратилась к Яше со словами:

– Яша, излишне тебе напоминать, что дети в школу должны ходить без усов, без бороды и гладко выбритыми. Особенно первого сентября, – добавила она, часто заморгав рес-

ницами.

Затем сделала паузу и ещё раз, критически посмотрев на Яшу, добавила:

– И, пожалуйста, никаких бакенбард.

319

БРАНД Я. Б.

...без...рецепт(а)

Кардиохирург, доктор медицинских наук, профессор, За-

служенный врач России, телевизионный программы «Без рецепта» Яков Бранд.

3.4. Дежурный анекдот

Как выяснилось той незабываемой питерской ночью, я знал много анекдотов, но твёрдо помнил лишь один, с которого начинал, когда нужно было проявить свою одесскую веселость и незаурядность. У этого анекдота был большой плюс – он был таким безобидным, что его можно было рассказывать даже детям.

Так и в этот раз, сообразив, что юморить повода ещё нет, и назойливо лезшая в голову где-то подслушанная фраза «Если дамы позволят, мы немного пошутим» была не актуальна, решил прибегнуть к испытанному, с длинной бородой, как и сам анекдот, способу.

– Есть одесский анекдот, – встрепенулся я свежей, как живая рыба, мыслью.

Внимание публики не ослабевало с самого начала, а сейчас, в преддверии настоящего одесского юмора, обострилось.

– Итак, анекдот, – продолжал я и, убедившись, что завладел полным вниманием собравшихся, с местечковым прононсом, выдаваемым за одесский акцент, принялся рассказывать:

– Идут три человека с работы. Одного из них переехал трамвай. Оставшиеся двое стоят, смотрят на труп товарища, и один из них говорит другому:

– Слушай, Абрамович, ты из нас двоих самый культурный. Пойди к жене Рабиновича и объясни, какое горе посетило их семью.

– Хорошо, – пожал плечами Абрамович и поплелся к дому Рабиновича.

Он подошел к двери и стал долго звонить в звонок.

– Кто там звóнит, как сумасшедший, – раздался за дверью голос.

– Вдова Рабиновича здесь живет?

– Почему вдова? У меня муж есть.

– На тебе дулю. Его трамвай переехал.

Пока я был увлечён этим коротким анекдотом, на моих глазах опустел поднос с бутербродами.

Показав для наглядности дулю, я закончил рассказ. Вместо ожидаемой тягостной паузы раздался взрыв смеха. Прежде всего, с набитыми ртами смеялись громче всех те, кто слышал это анекдот от меня уже в энный раз. Но они были не одиноки. По крайней мере, все девушки весело и дружно смеялись. Кому-то, может быть, анекдот показался даже смешным, кому-то неожиданным, а кто-то был запрограммирован на смех при любом исходе. Не исключено, что кого-то попросту рассмешило детское слово «дуля».

Кстати, упомянутая выше «свежая, как живая рыба, мысль» тоже из старого одесского анекдота. Разговор на Привозе:

– Скажите, эта рыба свежая?

– Конечно свежая, она же живая.

– У меня жена тоже живая...

Пути смеха неисповедимы, смеяться можно и глядя на свой собственный указательный палец, если, конечно, его не отгрызли некурящие мамонты.

3.5. Заманчивое продолжение

Ассоциативно посыпались анекдот за анекдотом на экзотическую тематику из жизни одесских евреев. Обстановка приняла почти домашний характер, появился ещё один поднос с бутербродами, мы разлили по стаканам. В комнату стали прибывать с перекура молодые люди, нас познакомили, мы всем пожали руки, обмениваясь именами и тут же их забывая.

Прибывшие ребята были явно недовольны. Недоумение, досада и раздражение по поводу нашего визита чувствовались в рукопожатиях и откровенно отражались на их лицах. Наглость какая! Только вышли на перекур, никуда не отходили, видели, что кто-то вошёл в комнату к их девочкам, и не придали этому никакого значения. Скорость горения сигареты при неторопливом курении примерно пять минут. Ну, выкурили от силы по две сигаретки, так тут уже четверо чужаков затесались и чувствуют себя лучше, чем дома.

Это, безусловно, отличный показатель коммуникабельности, учитывая, что за это время мы не только познакомились, а поели и дважды успели выпить. Но с ними делиться нашей радостью и обсуждать личные, пока скромные, пусть не рекорды, а достижения, не имело смысла – не поймут.

Заиграла музыка. Мирей Матье «Чао, бамбино, сорри» – фишка конца 1976 года. Особая гениальность песни в том,

что в трех словах – двух итальянских и одном английском – кратко передавалось её содержание, звучащее на французском языке.

Кто-то не из наших, так как голос был девичий, объявил:
– Белый танец!

Нас всех четверых тут же разобрали по парам и знакомство продолжились на более короткой дистанции. От своей партнерши по танцу, симпатичной, но не такой яркой, как Тома, девчушки, я услышал, что, оказывается, это даже очень хорошо, что мы пришли. Они ожидали беспросветную скуку – их мальчики мало танцуют, но много пьют и часто курят, сбегая на долгие перекуры. С девочками отношения у них не складываются. Ведут себя как дети, хотя уже пора подрасти – второй курс как-никак. То ли дело вы, то есть, мы – пятикурсники. И поговорить, и потанцевать, и посмеяться...

В её словах сквозили девичья обида и досада. Было очевидно, что романы никак не складываются, время уходит, и как ей кажется, с катастрофической скоростью уходящего экспресса.

– Маленькие они ещё... – тихо добавила девчушка, понизив голос и пристально заглядывая мне в глаза.

От неожиданности я стушевался и перевёл разговор на другую тему – об имениннице.

От словоохотливой подружки я узнал, что Тома сама из Харькова, и у них в группе есть традиция отмечать в обще-

житии дни рождения. У Тома куча ухажеров и один из них здесь, вон тот чернявенький.

Развернувшись в очередном па, я увидел группу ребят с тем самым чернявеньким, о котором говорила партнерша по танцу. Один из некурящих свидетелей нашего явления, видимо, пересказывал подробности моего поведения, потому что чернявенький, подставив ухо, чтобы сквозь гремящую музыку не пропустить не единого слова, исподлобья зло провожал глазами каждое мое движение. Я его понимаю, конечно, неприятно, только вышел покурить, а какой-то хмырь твою девушку целует. А что тебе мама говорила? Не кури сынок, вредно. Вот, мамку не слушал, теперь страдай, курилка.

Доброжелательность меня переполняла. Сейчас окончится танец, решил я, мы с местными ребятами выпьем, расскажем им анекдоты, те, что они пропустили, а может, и новые. Вспомним институтские байки, которые предаются из поколения в поколение, и студенты младших курсов их обычно слушают с разинутыми ртами, обсудим хоккей, в конце концов. Посмеемся над нашим визитом, переведем всю ситуацию в шутку, покушаем ещё немножко, выпьем «на посошок» и оставим их навсегда с их симпатиями, антипатиями, ухаживаниями, страстями, разочарованиями и любовями. Тихонько прикроем за собой дверь, перелистнув ещё одну страницу нашей жизни, и забудем.

Танец продолжался. Я нутром чувствовал на себе сверлящее, ненавидящее, постоянное внимание. Если бы я был

один, без группы поддержки, то дискомфорт ситуации, безусловно, насторожил и испортил бы настроение. Но под прикрытием Шуры и Манюни, которые только своими взглядами над парой могучих рук могли, как удавы, вогнать в оцепенение всё мужское население этой комнаты, я чувствовал себя в повышенной безопасности. Допускал чуть больше самоуверенности, комфортной наглости и лёгкого куража от эйфории удачно проведенной операции.

Закончилась песня про бамбино, который, уходя, сбрит. Всем налили.

– Тост за прекрасных дам, гусары – стоя!

Скрип панцирных кроватей, шум отодвигаемых стульев, все вместе дружно чокнулись. Закусывали мы неторопливо, придирчиво выбирая бутерброды поаппетитней.

На смену бутербродам из кухни принесли вареную дымящуюся картошечку, нарезали ломтиками в палец толщиной домашний мясной рулет. На столе возникла большая глубокая тарелка с целомудренной горкой квашеной капусты, присыпанной лучком. По периметру, вдоль синего ободка, чередовались соленые огурчики с кислыми бочковыми помидорчиками. Мальчишки вытащили из-под кровати водку и возбужденно принялись разливать между собой.

Мы понимающе переглянулись – этого было достаточно, чтобы не участвовать в усугублении уже выпитого крепленого вина. Во-первых, мы пришли не обпить, а объесть, а во-вторых, мы на чужой территории, почти в тылу врага, и

расслабляться нельзя. В-третьих, никто и не предложил. И вообще, пора и честь знать.

Заиграла музыка, опять танцы, медленные, с разговорами. Всё никак не доберусь до обиженных кавалеров реализовать свой миротворческий план. Слышу, Мурчик готовит пути отхода, объясняя, что у нас в номере остался еще один наш товарищ, Профессор, но он болен, и мы должны за ним присматривать и обязательно накормить. Ему врачи прописали докторскую колбасу, но где её сейчас взять, когда уже поздно и всё закрыто. Поэтому он, конечно, с разрешения, возьмет для него несколько бутербродов, так сказать в лечебных целях. Немного, не больше пяти на вечер и ещё столько же на завтрак, пока не открылись магазины.

– Ах, с докторской только три. Тогда остальные с московской, можно ещё и с сыром, доктор разрешил.

Шура в окружении девушек рассказывал о криодыхательных аппаратах для подводного плавания, расписывая предстоящие глубоководные испытания в Тихом океане вблизи экваториального побережья Африки. Тут же стоял Манюня, уточняя в рассказе Шуры температуру жидкого азота, кислорода и гелия, переводя для лучшего понимания градусы Кельвина в градусы Цельсия. Со слов ребят, романтический рассказ о нашей будущей профессии начинался низкотемпературными буднями работы воздуходелительных установок, а заканчивался героическим освоением космического холода на пути к абсолютному нулю.

– И мы его обязательно достигнем, – по-ленински, уверенно, с жаром заключил Манюня.

Нет, он не поправил основы физики, его загадочная улыбка красноречиво намекала, что, в отличие от него, будущие радиоэлектронщицы третьего закона термодинамики не знают. А он его не только знает, но может даже пошутить на эту тему.

Хотелось от умиления заплакать и аплодировать стоя. Но руки были заняты талией именинницы, чутко реагировавшей на моё ведение в медленном танце. Сейчас была моя очередь с ней танцевать. Несмотря на нелюбовь моих друзей к мазуркам и прочим полонезам, Шура с Манюней не без удовольствия выполнили обязательную программу по танцам с виновницей торжества. В силу своих возможностей, они не только не отдавили ей ноги, но и повесили гирлянду комплементов, с лёгкостью срывающихся с сытых уст, особо отметив домашний мясной рулет:

– Хорошо. Пусть мама, сто лет ей здоровья. Очень вкусный.

Танцевать с Томой мне нравилось всё больше и больше. Даже показалось, что я как-то подрос. В отражении круглого зеркала, висящего под углом на стене, отгадка отразилась женской хитростью – Тома сменила сапоги на высокой платформе туфлями на низком каблучке. Стало уютнее общаться. Яркий свет в комнате был кем-то приглушен, наши мальчишки, распустив павлиньи хвосты, были в центре внимания де-

вушек и увлеченно, дополняя друг друга, что-то рассказывали.

Из местных студентов в комнате никого не было. Опять ушли. Или на затянувшийся перекур, или пить водку с горя из горла на морозе. Танцевали только мы вдвоем с Томой под громкую неугомонную музыку винилового диска. Неожиданно возникшее равенство в росте повысило шансы в борьбе с уровнем громкости проигрывателя, теперь не нужно перекрикиваться, достаточно говорить друг другу в ухо, как бы подспудно, воздействуя дыханием на чувствительные эрогенно-звуковые зоны.

Девочка оказалась неглупой, смешливой и с чувством юмора, особенно прониклась к нам после того, как в двух словах я поведал о нашем катастрофическом проигрыше в карты и искренне поблагодарил за тёплый, почти домашний приём. В ответ услышал приятное о дорогом – хорошие слова в наш адрес.

Искренне сожалея вслух, что так и не успокоил приревновавшего кавалера, и извинившись за невольное вмешательство в её личную жизнь, к своему удивлению и тщеславному удовлетворению, услышал благодарность за избавление от надоедливого и самовлюбленного ухажера.

Танцуя без перерыва, я не выпустил девушку из рук и в паузе между танцами. Мы переходили из ритма медленного танца в быстрый и обратно, продолжая болтать и смеяться. Ещё и ещё раз с разной степенью комичности обсуждали на-

ше появление, которое, с её слов, будет незабываемым подарком ко дню рождения.

Подведя беседу к логическому завершению, уже собравшись откланяться, я невольно прикидывал, как лучше включить дорогого Генерального секретаря, чтобы прощание также завершить на высокой ноте, а заодно и убедиться, что дружеская составляющая наших сложившихся отношений имеет иную перспективную направленность.

Как тут кто-то назойливо дернул меня за рукав. Обернувшись, я увидел одного из знакомых некурящих студентов. Опасно пошатываясь и опираясь на мой локоть, он что-то пытался мне сказать.

– Ты «Мальборо» куришь, – наконец спросил он, с трудом выговаривая название сигарет.

– Я-то курю, а ты что, закурил?

– Не-е. У меня только для друзей. Угощаю. Пшли, – ухватив меня за рукав джинсовой куртки, он почти стянул её, пытаясь меня подвести к двери.

Извинившись за прерванную беседу и сославшись на предложение, от которого невозможно отказаться, я оторвал его цепкие липкие пальцы от своей куртки и, подхватив тут же падающее без опоры тело, пошёл к выходу, придерживая его за плечи.

Поравнявшись с ребятами, смеявшимися над неустойчивыми кульбитами некурящего студента, я подтолкнул Шуру плечом, чтобы он оценил серьезность ситуации, и сказал, ки-

вая на студента:

– Нас угощают «Мальборо», ты в это веришь?

– Ты думаешь... они посмеют? – Шура с досадой повел шей, раздраженной невидимым офицерским стоячим воротничком.

– Пьяные, что возьмешь.

– Пошли, покурим, – громко сказал Шура и, прихватив под локти некурящих Манюню и Мурчика, повел их вслед за мной к услужливо придерживаемой пьяным придурком приоткрытой двери в коридор.

3.6. Угроза жизни

То, что открылось за дверью, показалось с первого взгляда массовой галлюцинацией, затем страшным сном или, на худой конец, глобальным недоразумением. Весь коридор до Г-образного поворота был забит людьми – человек пятьдесят студентов, включая примкнувших к ним наших любимых аспирантов. Стало понятно, куда слиняли из комнаты обиженные кавалеры – пошли, как говорят в Одессе, «собирать мазу». Молчаливая, агрессивно настроенная толпа выжидающе всматривалась в каждого из нас, видимо, соизмеряя полученную информацию об одесских жлобах, обидевших их любимых девочек, с теми, кто появился из комнаты. Меня и Мурчика приняли с молчаливым одобрением, при появлении Шуры, а за ним Манюни по толпе прокатился ропот сдержанного волнения. Негромкие прения сомневающихся в успехе личностей напоминали сдержанное пение партизан перед подрывом комендатуры.

Ситуация была прозрачна, доступна для понимания и, к сожалению, слишком понятна – либо долгие и нудные разговорки, где под давлением возмущенных масс мы должны признать свою неправоту и с позором удалиться, либо мордобой, что тоже было не в нашу пользу. Оказалось, ещё хуже. Эпидемия расплаты и возмездия грозила перерасти в пандемию.

Отверженный чернявенький ухажер, явно взбодренный смесью крепляка и водки, скрестив руки на груди и покачиваясь с носка на пятку, наслаждался своим превосходством, продлевая удовольствие силового господства эффектной паузой.

Справа от нас тупик, слева и прямо плотная толпа, чтоб через неё пробиться, и рожка к автомату Калашникова не хватит, за спиной дверь в комнату, но это не поможет, только оттянет расправу. Зато там есть окно, если будет очень больно, можно его открыть, а лучше разбить, и привлечь внимание дежурных внизу или хоть той же милиции, лишь бы кто-то их от нас оттянул.

– Значит, так, – многозначительно произнёс чернявенький и сплюнул невидимую табачинку, – вы сейчас идёте с нами на улицу. Выходим без шума в парк, извинения ваши я видел в гробу в белых тапках. Понятно?

– Бить будем... до крови, – важно добавил ещё один студентик, суетливо попыхивая зажатой уголками губ сигаретой.

И смех и грех. Глядя на этого бравого «избивателя до крови», я вспомнил кино про индейцев, в нём Чингачгука играл югослав Гойко Митич. В фильме был персонаж – Бэшен, он подбирал за героями-ковбоями выброшенные ими окурки сигар и ещё тлеющими зажимал в углу рта. Гордо раскуривая и выпуская дым, Бэшен тут же преображался из пошакальи мелкого типчика в крутого парня с настоящей си-

гарой. Ещё я вспомнил маленькую Галю со двора, отпрашивающуюся у мамы:

– Мама, мама. Можно я пойду с девочками в кино? На «Чугунок – Большой Змей».

Но шутки в сторону, потом посмеёмся. Вернёмся к нашим пьяным баранам. Бить в парке, как нам пообещали, – это очень плохо со всех сторон. Не подходят ни обстоятельства места, ни обстоятельства времени. Местность там по вечерам безлюдная, фонарей нет. Первую кровь в темноте не видно, метель могут ну очень долго, и никто их не остановит. Исход randevу будет плачевен, с непредсказуемыми последствиями для здоровья, Отеллы доморощенные.

Нам не нужно было между собой ни переговариваться, ни переглядываться, ни строить комбинации из коробков спичек и пачек сигарет. Коллективный разум моментально выдал верное решение. Если драться, то здесь – никакого парка. Лучше, конечно, разойтись с миром, но не в ущерб нашей репутации. Но как?..

Обстановка накалялась на глазах.

– А тебя, сволочь, я лично урою, – пытался воткнуть палец в мою грудь забытый жених, но перехваченный жёсткой хваткой Манюни, растерянно заозирался, ища поддержки у окружающих.

С окружающими у него, кстати, было весьма неоднозначно. В первых рядах стояли воинствующие поддатые гости, всё более и более раззадоривая себя выкриками и угроза-

ми в наш адрес. За их спинами, как мне показалось, стояло больше любителей бесплатных зрелищ, чем традиционных участников разборок и драк.

Сообразив, что идти мы никуда не собираемся, и пощады, почему-то, не просим, компания обиженных и пьяных гостей-недотёп агрессивно двинулась на нас со всех сторон, пытаясь силой вытащить на улицу.

3.7. Бойцы

Что касается меня, то последний раз я дрался, опять же в общежитии, но холодильного института на Тенистой, седьмого ноября 1972 года, только-только поступив в институт. Играли мы тогда на танцах в столовой, на первом этаже. Друг мой Митя – ритм-гитара плюс вокал, Серёжа из Кировограда, хиппи после армии, – соло-гитара, на ударных его младший брат-школьник, я на басу. Репетировали этим составом всего один раз, но танцы вытащили. Сыграли на ура. Когда закончился наш с Митей наигранный со школы репертуар, Серёжа по двадцать минут под незатейливый роковый бас и квадрат на ритм-гитаре катал соло в стиле Джими Хендрикса. Толпа пищала от удовольствия и с упоением танцевала, не ведая усталости.

Сама драка произошла ещё до танцев, когда расставляли аппаратуру. Опять же, пьяные студенты. Приняв весьма основательно сразу после праздничной демонстрации и не теряя заданного темпа в течение всего дня, они заявили компанией человек пять-шесть в столовую – захотелось им, видите ли, познакомиться с нашими девушками. Нетрезвые были они все, но по-разному пьяные. Когда видишь перед собой невменяемого человека, с мутными, ничего не выражающими глазами, с упорством дегенерата пытающегося воплотить в жизнь свои пьяные фантазии или фобии, понимаешь,

что его планка давно уже упала, потерялась, и перед тобой не человек, а опасное неконтролируемое агрессивное существо. При виде одного из студентов, верховолившего в этой компании и полностью попадавшего под описание враждебной опасности, возникли самые плохие предчувствия – предательски засосало под ложечкой. Но ненадолго. Он первым, не прислушиваясь к нашим увещаниям отойти подальше и от девушек, и от аппаратуры, распустил руки.

После моего, даже не удара, а сильного толчка двумя руками в грудь пьяный наглец, зацепив и уронив колонки «Подолье», налетел ребрами на острый хромированный угол кухонной раздачи, больно ударился и не смог сразу подняться, чтобы мне ответить. На шум прибежали дружинники, скрутили его, прихватили шатающихся собутыльников и отвели всех на верхние этажи, до утра закрыв по комнатам. Что было бы, опоздай на пару минут спасители с красными повязками, не представляю. Лось был здоровый, сильно пьяный, без тормозов. Дружки его тоже не отличались миролюбием. Но тогда были дружинники, а сейчас...

До двенадцати лет я дрался с постоянной регулярностью два-три раза в месяц. Задиристый, неуступчивый, спортивный – я ввязывался в споры и пытался решать их в свою пользу при помощи кулачков, зубов, подсечек, подножек, боданий и прочих подкожных приёмчиков. Как тут не вспомнить коронную фразу Шурика-рыжего, подбивающую спорщиков к активным действиям. Он произносил её, как правило, в ко-

нечной фазе спора, когда отсутствие аргументов переводило дискуссию, и без того насыщенную взаимными упрёками, на личности.

– Я, конечно, не подстрекатель, – говорил с ехидством Шурик, – но я бы такого не стерпел.

– И не стерплю, – в запале отвечал я и с кулаками бросался на своего очередного обидчика.

У Шурика была особая миссия – после пяти минут боя он разнимал разгорячённых драчунов, применяя недюжинную для нашего возраста силу.

Дворовые развлечения. Постановочный бой. 8 марта 1968 год. Сверху вниз: *А.Сементовский (Саня), А.Сегал (Шурик-рыжий), Е.Белгородский*

А в двенадцать лет я перевоспитался. Играли мы в настольный теннис на пары, в седьмом номере на Пушкинской.

Мы с Шуриком-рыжим в одной команде. Неожиданно и досадно проигрываем одну партию за другой. Против кого играли – это не существенно, но соперники был средненькими, и уступать им было обидно. Проиграв, я требовал немедленно начинать следующую партию, стараясь отыграться, но опять неудача. И так партия за партией. От обиды и волнения я не попадал то по шарикку, то по столу, всё больше и больше раздражаясь, виня во всём стол, щели, ветер, Шурика с его левой рукой, ракетку с отрывающейся пупыристой резинкой, сетку, скидывающую «сопли» только на нашу половину, только не себя.

Ещё одна партия, и опять проигрыш. Шурик, заявив, что ему пора обедать, засобирался домой. Я просил его остаться, ну, ещё на одну партию, – он ни в какую:

– Бабушка уже налила, – сказал он, рассудительно показывая циферблат часов.

Я не отступал, настаивал, всё больше и больше раздражаясь и теряя над собой контроль. Шурик, прихватив свою ракетку, направился домой. Я не выдержал, догнал его и подсёк ногу. Споткнувшись, он развернулся, и тут я ему съездил по физиономии.

Вообще-то, мы с Шуриком дружили, но и дрались часто – по-детски и с удовольствием. Он был старше и сильнее, а я ловчее и быстрее бегал. Я затевал возню, Шурик самозабвенно меня мутузил до тех пор, пока я не выворачивался, делал несколько обидных ударов и удирал со всех ног.

Затем, минут через двадцать созвонившись или сосуществовавшись, мы вместе дружно шли в библиотеку имени Гайдара в Пале-Рояле поменять книги или во Дворец пионеров в драмкружок, где Шурик играл Главного Буржуина и требовал от меня, Мальчиша-Кибальчиша, раскрыть военную тайну. Пытал прямо на сцене.

В тот раз возле теннисного стола всё пошло не по плану. Шурик, забыв, что у него в руке ракетка, нанес мне короткий рубящий удар, и я, обливаясь кровью из рассеченного лба, свалился под стол. Кто-то громко закричал.

Печальные итоги игры в теннис увидел из окна наш знакомый – капитан дальнего плавания дядя Ралик. Быстро сбегав с пятого этажа, он перевязал мне голову и на руках, перепачкав кровью свою красивую дымчатую нейлоновую рубашку, понес через дорогу домой.

Бабушка, увидев меня окровавленного на руках у капитана, тут же перешла на украинский язык и заголосила:

– Дитину вбили! Його трамвай переїхав! Ой, що ж це робиться, люди добрі!

Я мужественно слез с рук дяди Ралика и встал на ноги, тем самым немного успокоив бабушку. Ощущая себя героем, можно сказать, Щорсом с перевязанной головой, идущим по берегу во главе отряда и оставляющим стелящийся кровавый след по сырой земле, я улёгся на папину кровать. Уже лёжа я бабушке заметил, что двадцать третий трамвай, кстати, два года как не ходит по Карла Либкнехта, так что

если меня кто и мог переехать, так только пятый троллейбус. Или девятый...

В ожидании скорой помощи, гордо глядя в потолок, как гвоздь программы цирка одного клоуна, я сдержанно, с видом обиженной невинности, выслушал извинения перепуганной Шурика бабушки, всё время спрашивающей:

– Карету вызвали?

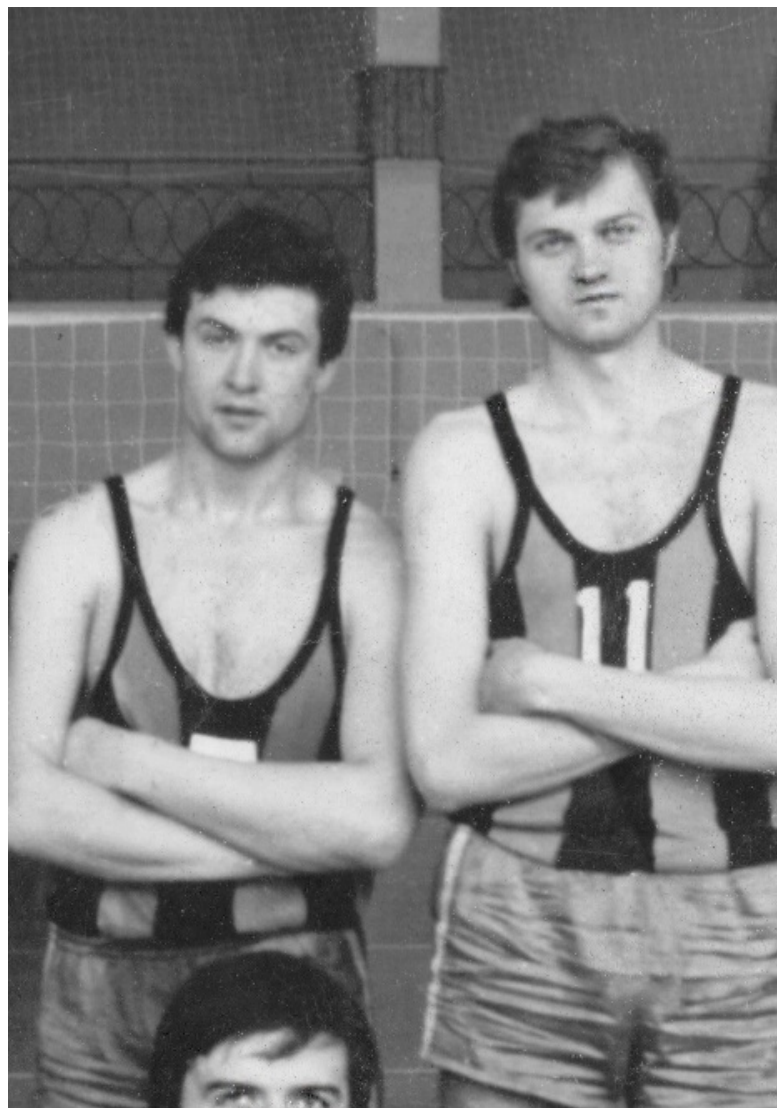
Слово «карету» меня сместило, но тем не менее я успел пообещать, что её внуку я этого никогда не прощу. При слове «этого» я многозначительно показывал на перевязанную голову. Затем приехала «карета» с врачом, который оказался не хирург. Он даже повязку не разворачивал, посмотрел на меня, записал фамилию, имя, дату рождения и ушёл.

Опять же дядя Ралик поехал со мной на этой скорой помощи в Еврейскую больницу. «Каретой» оказалась «Волга» с дверью сзади. Мест сидячих было одно, на нём ехал дядя Ралик, а меня как настоящего раненого везли лёжа на носилках. В больнице мне наложили четыре шва, затем на такси вернулись домой. Вечером пришли с работы родители. Избегая наказания, так как подробности инцидента были не в мою пользу, я пустился в глухую симуляцию, изображая слабость и временную амнезию. День выдался незабываемым, но с тех пор, как отрезало ввязываться в драки, особенно, если по голове.

Так что в драках я себя бойцом не чувствовал. Футбол, а не бокс, лёгкая атлетика вместо самбо – не вселяют уве-

ренности, жизненно необходимой в преддверии мордобоя. А вот начать драку, нагло ввязаться против превосходящего противника, ошарашив своей наглостью, – это пожалуйста, это сколько угодно. Главное, чтобы вовремя подоспели дружинники или кто-то иной, сохранив во всех смыслах неприкосновенным моё лицо.

Манюня. Он хоть и на букву «Б», но тоже не боец, а баскетболист. Высокий рост, длинные мощные руки. Пробежаться по площадке, стуча мячом, побороться в высоком прыжке и отдать пас, подобрать отскочивший от щита мяч, сделать с ним два шага, а можно и сразу, с места, высоко выпрыгнуть, прогнуться, бросить (мягкая кисть продолжение руки) и забить его в корзину, висящую на высоте десяти футов от пола. Это его игровое амплуа – роль центрального игрока в спектакле под названием баскетбол. Где? Где здесь удары?

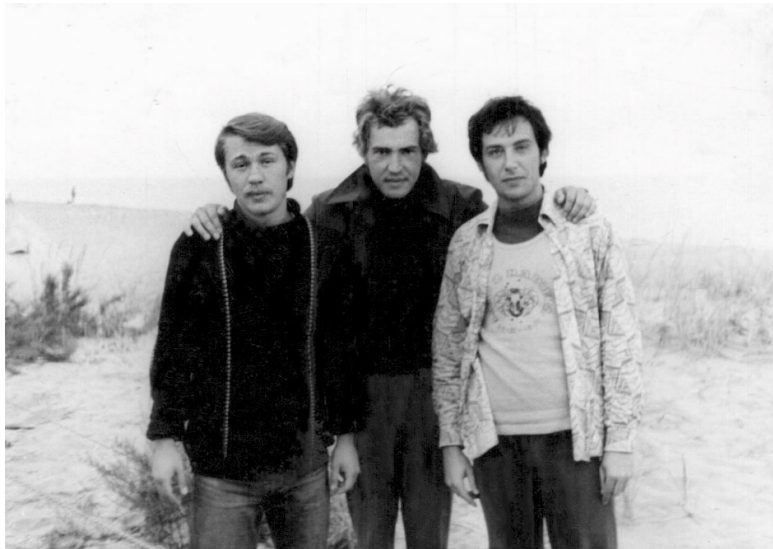

Клуб тех, кому за 2 метра. Номер 8 – *С.Коцюба (Манюня)*,
Номер 11 – *С.Зверев*

Длинные руки с полупудовыми кулаками на их концах – это психологическое устрашение. В драке они мало чем помогут, если нет навыков к ударно-разрушительному образу жизни, только помешают. Такого великана в ближнем бою легко обойти сбоку, снизу и неожиданно нанести предательский удар сзади. Идеальный образ для Манюни как столпа силы и законности – Дядя Стёпа милиционер. Он и хулигана издали увидит, и светофор на перекрёстке починит, и старушку снимет с оторвавшейся льдины. Но в силовых операциях такой милиционер будет только помехой, разве только если нужно высмотреть через высокий забор плантацию конопли на приусадебном участке. Для устрашения и наведения порядка на футболе он в самый раз, но драться без должного умения и тренировок – себе дороже. Нет, Манюня не боец.

Мурчик. Помнится, что Мурчик с Виталиком, старостой нашей группы, ходили в полуполицейскую секцию карате. Наверное, об этом нельзя было никому говорить, так как японские боевые единоборства находились на нелегальном положении, но Мурчик не только нам рассказал, но и показал. Как-то его аж распирало от желания похвастаться своими успехами. Вот он и решил показать нам, а чему его там

научили. На перемене мы его обступили, сделали пошире круг и приготовились смотреть, как он будет махать руками и ногами. Мурчик встал внутри круга, выпрямил спину, закрыл глаза, немного согнул ноги в коленях, полусогнутые руки развернул ладонями вверх, сжал кулаки, напрягся и стал медленно опускаться. Через три минуты медленного опускания, он начал так же медленно подниматься. Окончив упражнение, он, порывисто выдыхая воздух, объяснил для тугодумов и дилетантов, что это очень важное упражнение для развития силы ног, и когда они его освоят, то их будут учить ударам. Чем не анекдот про психов, которым обещали налить воду в бассейн после того, как они освоят прыжки с вышки. Не знаю, как прошло дальше его обучение карате, но с тем, что я видел, вряд ли ему удастся продержаться более двух секунд.

Три товарища. Каролино-Бугаз. 1976 год. *В.Бондаренко (Виталик), В. Муров (Мурчик), Ю.Любецкий (Профессор)*

Нет, Мурчик тоже не боец. Ему вообще не нужно испытывать судьбу в подобных стычках. Как носитель редкой разновидности японских единоборств он должен себя сохранить для потомков.

Остается Шура. Вот Шура – боец. Высокий, широкоплечий, с развитой мускулатурой, владеющий самбо и боксом, настоящий атлет, хоть в Древнюю Грецию на Олимпиаду по

кулачному бою отправляй. И в деле я его видел. Первый раз прошлым летом 1975 года в общежитии МХТИ в Москве. Опять в общежитии. Все события, так или иначе связанные с драками, происходят у меня почему-то в общежитиях. Какое-то сакральное место, школа жизни.

Помощь друга. Москва. 1975 год. *А.Токаев (Шура), А.Шишов*

Как-то шли мы неторопливо по второму этажу, уже подходили к лестнице, чтобы спуститься, когда из фойе раздались крики и явный шум потасовки.

– Там дерутся, – радостно воскликнул Шура и стремительно слетел на первый этаж.

Пока я за ним спускался, он уже успел, не разбирая кто прав, кто виноват, присоединиться к малочисленной группке ребят, которых вполне серьёзно колошматили. Несколькими хорошо поставленными ударами Шура быстро выровнял шансы драчунов и неторопливо, с достоинством и удовлетворением, мурлыкая под нос, удалился, предоставив им самим окончить начатое. Подойдя ко мне, застрявшему на середине пролёта, он, с удовольствием потирая кулаки и слизывая кровь на костяшках, произнёс:

– Люблю подраться, но терпеть не могу разборки, особенно после драки.

Вторая драка была в том же корпусе общежития спустя месяц-полтора. Так то вообще святое дело – Шура дрался за честь дамы, а если точнее, за честь своей любимой девушки Али.

Вечерело, спускались мы с нашего третьего на второй этаж, то ли провожая Алю, то ли направляясь к ней в гости, расписать пульку по маленькой. Как тут нам навстречу по-

падают, понятно, не надо иметь семи пядей во лбу, пьяные аспиранты, местные, московские. Аля идёт впереди, уже спускается по лестнице, а мы, занятые своими разговорами, немного приотстали, поэтому сверху видели всё хорошо. Один из москвичей решил с девушкой познакомиться, перегородил ей дорогу и настырно потянул за руку, увлекая разделить с ними их радость. Видимо, у Шуры настроение было благостное, потому что он не дал ему сразу по голове, а спустившись на несколько ступеней, приобнял парня за плечи и нежно сказал:

– Сегодня я тебя прощаю, иди.

Прогулка по Москве с Алей – девушкой Шуры. 1975 год.
А.Симанова (Аля), А.Шишов

А тот как взовьется, и на Шуру с кулаками. Шура крупнее его, собрал парнишку в одно целое, так чтобы руками сильно

не мотал, и легонечко подтолкнул к нам наверх, где мы с Вадиком его и приняли. Вадик в прошлом футболист, но, в отличие от меня, настоящий, бывший игрок дубля «Черноморца». Другими словами, с точки зрения бытовой драки в качестве бойца он единица бесполезная, но отважная. Пока мы придерживали рвавшегося поквитаться с Шурой аспиранта, тому на подмогу прибежал снизу здоровенный верзила. Шура, увлекшись увещеванием никак не желавшего успокоиться парня, не успел должным образом отреагировать и пропустил два сокрушительных удара наотмашь справа и слева. Не уворачиваясь, а только поглубже втянув голову в плечи, Шура стойко принял эту пару хуков. Под третий удар он подсел, и оглобля здоровенной ручищи просвистела над его головой. Шура вынырнул из-под руки и нанес серию из пяти быстрых ударов по корпусу. Нешуточный бой гигантов развернулся рядом с нами. Мы вместе с притихшим аспирантом вжались в стену, освобождая место ничего вокруг себя не замечающим драчунам. Отступая под неожиданным натиском Шуры, его оппонент ступил на первую ступеньку, ведущую вверх, получив при этом весомое преимущество в росте. Шура, не прекращая наносить удары, придвинулся вплотную к нападавшему и, чередуя апперкоты с ударами в корпус, поднял его на мелькающих кулаках повыше, к площадке между этажами. Казалось, если Шура сейчас перестанет бить, то тот упадет, потеряв поддержку, но это только казалось, детина отступал, умудряясь отвечать резко, расчётливо и весьма ве-

сомо. Концовка наступила стремительно, когда оба уже поднялись на площадку между этажами, – последовало несколько точных ударов в голову телохранителя подвыпившего аспиранта, и тот, отлетев на рамы открытых окон, сбил их с петель. Скрежет разорванного металла, звон разбитого стекла, треск ломаемого дерева – всё это странным образом драчунов успокоило. Парень прекратил сопротивляться, безвольно свесил руки и устало опустился на цементный пол лестничной площадки, недоуменно поводя глазами по сторонам.

Аспирант в наших с Вадиком руках ожил, вырвался и, схватив меня «за грудки», сильно дернул на себя мою рубашку. С противным треском отлетела пуговица. Я уже, грешным делом, начал прицеливаться, чтобы под стать Шуру врезать ему посильней и поточней, но не успел. Широкая открытая ладонь просвистела мимо моего носа, увлекая голову аспиранта из поля видимости, и ещё одна пуговица от моей рубашки оторвалась и медленно, нехотя, на одном ребре покатила, перескакивая со ступеньки на ступеньку, по лестнице вниз и завершила предательскую дугу падением в пропасть лестничного пролета.

Рядом стоял запыхавшийся Шура. Далекo, в конце коридора, сидел на полу отлетевший от его руки, как теннисный мячик от ракетки, наконец-то притихший аспирант. Возле него на корточках сидел Вадик и нравoучительно объяснял, поглаживая бородку, что так себя вести Анехорошо и по большому счёту неприлично.

Утром следующего дня нас нашли потрёпанные аспиранты, тихие, трезвые и очень напуганные. Извинились, у них, видите ли, было какое-то очень важное аспирантское событие, и они немножко перебрали. Боялись огласки, интересовались, не имеем ли мы претензий. Кроме моей пуговицы, свалившейся на первый этаж и укатившейся неизвестно куда, жалоб не было. Мы их простили, можно сказать, вошли в их положение и уверили в своей лояльности. Побитый Шурой парень оказался тоже аспирантом, спортсменом, боксером, кандидатом в мастера спорта. Он долго тряс Шуре руку, приговаривая распухшими губами и светя солидным фингалом под глазом, как сильно он Шуру зауважал. Напоследок будущие учёные радостно объявили, что с них причитается, и исчезли навсегда.

Понятно, кто-кто, а Шура – боец. Но он один, мы только антураж, слабый фон.

В коридоре уже было не протолкнуться. Казалось, народ всё прибывает и прибывает. Нас окружило возбуждённое, перегарное, сужающееся полукольцо, настойчиво оттеснившее нас от двери в комнату и прижавшее к стенке. Стая из десятка самых нетрезвых и отвязных шакалов, по сравнению с которыми Киплингский Табаки покажется высококонравственным интеллектуалом, толкаясь и раззадоривая друг друга, с нетерпением ждали команды «фас».

4. Волшебное слово № 2

– Ну что, идёте или тут бить будем? – с угрозой прикрикнул чернявенький под одобрительные возгласы разгорячённой толпы.

– Сейчас получите... будете знать, как к нашим девочкам приставать, – срывающимся голосом «шестерки» подхватил Бэшен.

Было очевидно – ребята уже на взводе, и сейчас начнется драка. Но они тянули. Видимо, в мозгу у кого-то из них трепыхались в сомнениях остатки трезвого разума. Грядущие большие проблемы и неприятности, если мы не пойдём с ними на улицу, и драка произойдет внутри общежития, до поры до времени сдерживали развязку. Остатки трезвого ума напрямую связывали вынужденное бездействие с волшебным словом «партком» – надёжным для нас спасательным кругом, засевшим глубоко в подкорке с самого первого курса, а может, и раньше.

С моей точки зрения – драка неотвратима. О последствиях я, по глупости своей, не задумывался, хотя не маленький и должен был понимать, что для пятикурсников пьяная драка в чужом общежитии чревата всем чем угодно, вплоть до справки, заменяющей диплом о высшем образовании. Я смотрю на Шуру, жду намека сорваться и вцепиться в чернявенького, чтобы немного выиграть в инициативе, может,

удастся прорваться к лестнице.

Чайник взаимной ненависти и неприязни кипел, свисток разрывался, языки пламени бушевали, превращая воду в перегретый пар. Вот-вот рванёт.

Шура молчал. Играя желваками, он смотрел поочерёдно то на чернявенького, то на Бэшена. Ноздри у него воинственно раздулись, спина слегка ссутулилась, как бы сжимаясь в пружину, челюсть выдвинулась вперед.

«Ну, всё, – подумал я, – сейчас начнется, – и прицелился носком модного итальянского сапога, а как ещё, лягнуть чернявенького между ног».

Шура неторопливо повернул голову, всматриваясь в лица напиральной на него толпы, затем перевёл взгляд вверх их голов, прикидывая наши шансы на прорыв, опять посмотрел на чернявенького и тягуче выпрямился, расправляя плечи и подтягивая рукава куртки.

«Всё, – решил я про себя, – началось!»

Я посмотрел на ребят. Манюня стоял спокойно, с досадой наблюдая суету. Его таинственная улыбка не предвещала ничего хорошего. У Мурчика на лице застыло обиженное выражение, он недовольно поводил головой, с недоумением рассматривая окружившую нас толпу.

О детстве Шуры я знал немного, но и те обрывки информации, которые иногда он выдавал о себе, подтверждали мою версию, что Шура в делах драк и разборок человек бывалый. Нужно положиться на его богатый опыт и звериную интуи-

цию, решил я для себя. Меня всего выворачивало, так хотелось вцепиться в самодовольную и наглую рожу чернявенького, особенно за «сволочь», но я себя сдерживал. Надеюсь непонятно на что, через силу наблюдал я за действиями Шуры, чтобы не пропустить самого главного – стремительного начала.

Но Шура не спешил, медленно, в тягучей истоме он протянул руку к Бэшену, тот аж присел от неожиданности и замер. Шура вынул из его безвольного рта сигарету, оторвал фильтр, и, по-блатному зажав подушечками большого и указательного пальца, глубоко затянулся. Одной его затяжки хватило на то, чтобы остаток сигареты превратился в пепел. Выдохнул в Бэшена, окутав его облаком дыма, и, снисходительно криво улыбаясь, обратился к чернявенькому:

– Ты видишь этого мальчика? – подчеркнуто спокойным голосом спросил Шура и подбородком указал в мою сторону и, не дожидаясь ответа, продолжил, чётко выговаривая каждое слово:

– Его папа полковник КГБ.

Это было сказано так сурово, что я инстинктивно обернулся, чтобы посмотреть на того мальчика, у которого папа полковник КГБ, но не увидев за спиной ничего, кроме синей панели коридора, сообразил, что надо быстро входить в предложенный образ, а не крутить головой.

– Так вот, – продолжал Шура, и в его каждом слове слышалась неприкрытая угроза, – если хоть один волосок упадет

с этой драгоценной головки, запомни, не успеет он ещё долететь до земли, как о тебе забудут не только в институте, но и дома. На долгие годы доблестного труда в условиях Крайнего Севера в телогрейке с номером. А товарищи твои, – тут Шура повысил голос и обвёл подельников чернявенького тяжёлым взглядом, – навсегда забудут название вашего ХИРЭ и завтра уже будут в рядах Советской Армии. Это понятно?

Не знаю, что почувствовали выпившие и перевозбуждённые представители советского студенчества, но у меня от его слов по рукам побежали мурашки.

Шура сделал небольшую паузу, чтобы смысл сказанного дошёл до опьянённого сознания почтенной публики, обвёл вопрошающим взглядом первые ряды притихших и внимательно вслушивающихся в каждое его слово шакалов и, нехорошо ухмыльнувшись, переспросил:

– Кто-то что-то не понял? Повторить?

Мой папа не был полковником КГБ. Он боевой летчик, майор в отставке, прослуживший в армии с тридцать девятого по шестидесятый годы. Если бы драка началась, и с меня слетел волос, и не один, то они спокойно долетели бы до пола и лежали там до влажной уборки коридора. Папа и пальцем бы не шевельнул, предоставив мне самому решать свои мужские проблемы, что я всегда и делал. Думаю, что мифический полковник КГБ такой же отец, как и мой, боевой, заслуженный офицер, тоже не стал бы глубоко вникать в личную жизнь своих детей, пока в поведении отпрысков не по-

явилась бы угроза для их, а ещё хуже, для его карьеры.

Но то, что дальше произошло, было потрясающе.

Бэшен испарился. Только что стоял, и нет его. Чернявенький или перестал притворяться, или резко на глазах отрезвел. Попятился, широко расставленными руками отодвигая своих собутыльников всё дальше и дальше от нас. Те подались назад, наступая на подпиравшую толпу. Задние, не слышав ничего из тихой тирады Шуры, давили в спины, произошла давка. Последний раз я увидел чернявенького, когда он, бросив на нас беспомощный взгляд, в котором страх боролся с ненавистью, резко, с опаской повернулся к нам спиной и, расталкивая локтями своих товарищей по несостоявшемуся мордобою, пробирался к выходу. Из-за угла доносился визгливый голос Бэшена, остатки только что воинствующей и агрессивной толпы на глазах растворились. Зрители разочарованно покидали свои места, кое-кто с досадой спрыгнул с подоконника. Не понимая, что же, собственно говоря, произошло, зачем собрались кого-то бить, и почему не было драки, один за другим студенты потянулись по лестницам вверх и вниз.

Место несостоявшейся битвы быстро опустело, из-за закрытой двери в тишину коридора донёсся голос Мирей Матье, она опять пела «Чао, бамбино, сорри», пластинка крутилась если не по шестому, то восьмому кругу точно.

– Зайдем попрощаемся? – предложил я.

– В принципе, мы можем уходить и по-английски, – сказал

Мурчик. – Для Профессора я бутерброды набрал... нам на утро тоже хватит.

И показал сверток, который он ни на секунду не выпускал его рук.

– И как бы ты дрался? – не смог я удержать своего удивления.

– Как-как, ногами, – спокойно ответил Мурчик, – я скоро, может быть, пояс получу по карате. Чёрный, – добавил Мурчик и задумался.

– Валить надо, – нравоучительно заметил Шура, – что-то затянулся этот праздник жизни.

– А вы знаете, – сказал я, нервно посмеиваясь, – мне теперь понятны ощущения «детей лейтенанта Шмидта».

– Это пока их не бьют... пошли, Паниковский, – резонно добавил Манюня, положил мне руку на плечо, и мы двинулись по коридору в сторону лестницы.

«Ну вот, – подумал я о «сыне полковника КГБ». – Ещё одно волшебное слово (или три волшебных слова?) после «парткома» в этом гнезде перепуганных тараканов, имея в виду харьковский институт. А что будет, когда гнездо увеличатся до размеров нашей Родины? Тридцать седьмой год жил, жив и будет жить в генах поколений вместе с ментальной нищетой потомков вечных рабочих и крестьян.

Хороша ж будет из них власть лет так через двадцать-тридцать, если мы с Шурой, конечно, сами не возьмём её в свои руки. А что? Могём...»

Мы прошли мимо группки аспирантов, замеченных нами в толпе праведного гнева. С деланной беззаботностью они переговаривались, всем своим видом показывая, что они ни при чём, и не имеют к спонтанному собранию никакого отношения.

Душа пела. Громко, вызывающе, противным голосом, на весь коридор:

– Чао, бамбино, сорри. Раз-два-три. Ла-ла-ла-ля-ля-ля-ля-л-а-а-а-а-а...

– Ла-ла-ла-ля-ля-ля-ля-л-а-а-а-а-а... – таким же гнусным голосом, но без признаков музыкального слуха, подхватил Шура.

Уже в спину донёсся обрывок фразы:

– ...милиция по ним плачет...

«Не милиция, а тюрьма», – хотел было их поправить. Но, сделав вид, что они нам безмерно безразличны, не оборачиваясь, пошёл дальше.

Ну что ж, «Милиция плачет» – прекрасное название для следующего репортажа из харьковского общежития.